

**СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ТОРГОВЦЕВ НА ГОРОДСКИХ РЫНКАХ
ЮГА И ЗАПАДА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В XVII В.
(НА ПРИМЕРЕ КУРСКА, БЕЛГОРОДА, ВЯЗЬМЫ И МОЖАЙСКА)**

© 2011 А. И. Раздорский

*канд. ист. наук,
заведующий группой исторической библиографии
e-mail: razdor@nlr.ru*

*Российская национальная библиотека
(Санкт-Петербург)*

В статье по результатам сопоставительного анализа 60 таможенных книг Курска, Белгорода, Вязьмы и Можайска показаны общие и особенные черты в социальном составе участников оптовой товарной и конской торговли в этих городах на протяжении большей части XVII в.

Ключевые слова: торговля, купечество, таможенные книги, социально-экономическая история

Сведения о социальном составе торговцев, наряду с данными о количестве товарных партий, совокупной стоимости проданных и скупленных товаров, их ассортименте, ценах и объемах поставок, географии торговых связей, относятся к числу основных показателей, характеризующих состояние региональных рынков в тот или иной период. Информация о социальной принадлежности продавцов и покупателей оптовых партий товаров, а также участников конского торгова XVII – первой половины XVIII в. заключена в таможенных книгах – основных массовых источниках по истории торговли России этого времени.

Предметом рассмотрения в данной статье является социальный состав торговцев на четырех региональных рынках XVII в.: курском и белгородском, представлявших юг европейской части России, вяземском и можайском, располагавшихся на западе страны. По Курску проанализированы 18 таможенных книг (за 1619 (две книги), 1623/24, 1626/28, 1628/29, 1641/42, 1647/48, 1653/54, 1654/55, 1656/57, 1657/58, 1658/59, 1660/61, 1661/62, 1669/70, 1670/71, 1672/73, 1677/78 гг.¹); по Белгороду – 13 (за 1641/42, 1646/47, 1651/52, 1653/54, 1656/57, 1657/58, 1658/59, 1660/61, 1661/62, 1666/67, 1669/70, 1672/73, 1677/78 гг.²); по Вязьме – 17 (за 1649/50, 1651/52, 1652/53, 1653/54, 1654/55, 1656/57, 1657/58, 1661/62, 1666/67, 1668/69, 1673 (с 27 марта по 31 августа), 1673/74, 1674/75, 1675/76, 1676/77, 1678/79, 1679/80 гг.³); по Можайску – 12 (за 1627/28, 1629/30, 1634/35, 1637/38, 1640/41, 1644/45, 1648/49, 1655/56, 1659/60, 1665/66, 1666/67, 1673/74 гг.⁴). Все перечисленные источники, за исключением курской и белгородской книг 1661/62 г., находящиеся в составе конволюта в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), хранятся в различных фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве.

Таможенные книги за разные годы и по отдельным разделам существенно варьируются между собой в отношении репрезентативности данных о социальном составе торгующих. Так, в курских источниках первой половины XVII в. социальный статус торговцев-оптовиков указан редко. Для большинства упомянутых в них лиц он остался неизвестным. Гораздо полнее в таможенных книгах Курска 1619–1647/48 гг. представлены сведения о социальной принадлежности участников конской торговли.

Начиная с 1650-х гг. данные о социальном статусе продавцов оптовых партий товаров стали фиксироваться чаще, а самыми подробными на этот счет являются книги 1669/70–1677/78 гг. Социальная принадлежность скупщиков-оптовиков в источниках указывалась значительно реже, чем продавцов. В конской торговле, напротив, репрезентативность рассматриваемых сведений в отношении продавцов и покупателей была во все годы примерно одинаковой. В 1650–1660-е гг. социальный статус торговцев указывался в «лошадиных книгах» приблизительно с той же регулярностью, что и в первой половине века. Наиболее полные сведения о социальной принадлежности торговцев лошадьми, как и в случае с продавцами-оптовиками, отражены в курских таможенных книгах конца 1660–1670-х гг.

Чем можно объяснить неполноту регистрации социальной принадлежности торговцев в таможенных книгах? Видеть в имеющихся пропусках какую-либо систему, на наш взгляд, вряд ли правомерно, так как в источниках называются представители самых разных категорий городского и сельского населения из числа местных и иногородних жителей. Нет оснований полагать, что в том или ином году специально отмечались, например, посадские люди и совсем не отмечались служилые и наоборот. Скорее всего, это можно объяснить тем, что социальный статус торговцев не влиял на размер таможенных сборов и таможенники не считали нужным его каждый раз аккуратно фиксировать. Делали они это лишь от случая к случаю, причем чаще всего применительно к местным купцам, многих из которых они могли знать лично.

Материалы курских таможенных книг показывают, что на местном рынке в XVII в. основную массу торговцев составляли представители провинциального непривилегированного купечества. Среди непосредственных участников торговых операций в городе не отмечено ни одного гостя и зафиксирован только один член Гостиной сотни (Алексей Крупиников из Серпухова в мае 1678 г.). Чаще других в таможенных записях упоминаются посадские и служилые люди, причем первые составляют большинство в оптовой, а вторые – в конской торговле. Среди торговцев лошадьми нередко также фиксируются частновладельческие и монастырские крестьяне.

Между двумя различными сферами рынка (оптовой товарной и конской) существовали довольно серьезные различия в отношении круга действующих лиц. Состав участников конской торговли был более пестрым, чем оптовой. Так, занимавшиеся куплей-продажей лошадей офицеры полков иноземного строя, бобыли, черное духовенство, слуги, гулящие люди, цыгане ни разу не зарегистрированы среди продавцов или покупателей оптовых партий товаров. В оптовой торговле отмечены лишь единичные случаи выхода на рынок служилых людей по отечеству — детей боярских, а в торговле лошадьми они, наоборот, принимали самое активное участие. На конском рынке гораздо чаще, чем на оптовом, появлялись казаки, монастырские и церковные крестьяне, ямщики.

Среди поставщиков оптовых партий товаров в Курск в первой половине XVII в. преобладали служилые люди по прибору и монастырские крестьяне (в том числе крестьяне курских монастырей Троицкого женского, Троицкого мужского, Николаевского Божедомского), а посадские люди играли второстепенную роль. Во второй половине столетия ситуация кардинальным образом изменилась. Основную массу торговцев-оптовиков в этот период составляли уже посадские люди, на долю которых в отдельные годы приходилось, как правило, более половины от общего количества явок и совокупной стоимости привезенных товаров. Материалы курских таможенных книг второй половины XVII в., таким образом, не подтверждают мнение К. В. Базилевича о том, что в торговле Курска основную роль играли служилые люди, а «посадский элемент был едва заметен»⁵. Монастырские же крестьяне среди продавцов

оптовых партий товаров после 1653/54 г. в курских таможенных книгах ни разу не упомянуты. В произошедшей перемене следует видеть влияние посадской реформы середины XVII в., в результате которой в посады были возвращены жители обельных монастырских слобод, составлявшие значительную часть экономически активного населения городов. Участие в оптовых поставках товаров на курский рынок в 1650–1660-е гг. приборных служилых людей по сравнению с предшествующим периодом сократилось, что объясняется занятостью лиц этой социальной группы в военных действиях против Польши. После завершения войны их доля в привозе товаров в Курск вновь возрастает. В отдельные годы довольно заметную роль в доставке товаров на курский оптовый рынок играли крестьяне калужских и московских вотчин Н. И. Романова и И. Б. Черкасского (1626/28, 1628/29, 1641/42 гг.), иноземцы (в 1641/42, 1647/48, 1653/54 гг.), черкасы (1656/57, 1657/58 гг.). Роль представителей других социальных групп в оптовых поставках товаров в город была незначительной.

Иначе выглядит положение в отношении оптовой скупки товаров на курском рынке. Доминирующее положение здесь на протяжении всего наблюдаемого периода сохраняли приборные служилые люди⁶. Во второй половине XVII в., кроме них, сравнительно регулярно скупали оптом товары также посадские.

Своеобразно складывалась ситуация в курской конской торговле. В первой половине XVII в. ее главными участниками были крестьяне (монастырские и частновладельческие) и служилые люди (приборные и по отечеству). Первые являлись чаще всего продавцами, а вторые – покупателями лошадей. Среди продавцов в 1620-е гг. доминировали крестьяне курских детей боярских. К концу 1640-х гг. их участие в конской торговле в результате татарского разорения Курского уезда сокращается. В 1650–1670-е гг. они играли в ней уже второстепенную роль. Служилые люди, напротив, продолжали активно торговать лошадьми и во второй половине XVII в. С начала 1650-х гг. деятельное участие в конской торговле стали принимать посадские люди. В 1650–1670-е гг. они преобладали среди покупателей лошадей и, наряду со служилыми людьми, являлись их основными продавцами. Регулярно хотя и в небольшом количестве среди участников курской конской торговли встречаются также ямщики, представители духовенства, а с середины XVII в. – еще и черкасы.

Большинство таможенных книг Белгорода содержит сравнительно полную информацию о социальном составе торговцев-оптовиков. Значительные лакуны в этом отношении имеются только в книгах 1646/47, 1653/54 г. и 1656/57 г.⁷ Во второй половине 1650-х – первой половине 1670-х гг. доминирующее положение на белгородском оптовом товарном рынке занимали посадские люди (к ним относилась и категория «торговых людей»). Характерной чертой оптовой торговли Белгорода было регулярное и сравнительно активное участие в ней служилых людей, причем не только по прибору (стрельцов, казаков, пушкарей, затинщиков), но и по отечеству – детей боярских (данное обстоятельство отличает, в частности, белгородский рынок от курского, на котором дети боярские появлялись крайне редко), а также солдат полков иноземного строя (солдатских, рейтарских, драгунских). Особенно интенсивно торговали служилые люди в начале 1660-х и в 1670-е гг. В 1677/78 г. они заняли первенствующее положение на товарном рынке Белгорода, оттеснив на второй план посадских людей. Крестьяне же, напротив, в оптовых торговых операциях участия практически не принимали. В источниках зафиксирована единственная таможенная явка (денег на покупку) представителем данной социальной группы (нижегородским крестьянином князя Якова Черкасского Данилы Линева). Сходное положение в отношении крестьянской торговли наблюдалось в 1650–1670-е гг. и в Курске.

В конской торговле Белгорода безраздельно господствовали местные и иногородние служилые люди (дети боярские, стрельцы, казаки, пушкари, станичные

вожи и ездоки, драгуны, рейтары, солдаты). В качестве продавцов лошадей они упоминаются в 1640–1670-е гг. в 500 случаях из 661 (для сравнения посадские люди – в 9, крестьяне – в 3, гулящие люди – в 12, цыгане – в 13, черкасы – в 36), а в качестве покупателей – в 396 случаях из 590 (посадские люди – в 59, крестьяне – в 7, гулящие люди – в 12, цыгане – в 3, черкасы – в 27)⁸. В операциях по купле-продаже лошадей в Белгороде принимали участие также представители черного и белого духовенства, слуги, бобыли, а также иноземцы (приезжие по торговым и дипломатическим делам или состоящие на русской службе). В 48 случаях социальная принадлежность продавцов и покупателей в документах не указана.

В таможенных книгах Вязьмы упомянуто около 2000 участников оптовых торговых операций (в отличие от курских и белгородских источников конская торговля в этих документах не фиксировалась). Данная цифра в известной мере условна, так как не всегда уверенно точно удастся идентифицировать торговцев, записанных в одном случае только с именем и отчеством, а в другом — с именем, отчеством и фамильным прозвищем. Социальный статус приведен (или установлен по другим источникам, в частности по вяземским кабацким книгам и переписной книге Вязьмы 1652 г.) в отношении 1180 чел. (59,8 % от общего числа торговцев).

Ведущую роль в вяземской оптовой торговле с конца 1640-х до конца 1670-х гг. играли посадские люди. На их долю, в частности, приходится от 35,2 % (1654/55 г.) до 71,9 % (1649/50 г.) явок товаров, предназначенных для продажи в Вязьме, и от 34,3 % (1651/52 г.) до 64,8 % (1675/76 г.) совокупной стоимости привезенных на продажу товаров. Фактически доля посадских людей в торговых операциях на вяземском рынке была выше, так как часть торговцев, социальный статус которых в таможенных записях не указан, также, по-видимому, относилась к этой социальной группе. Помимо посадских людей, регулярное участие в оптовой торговле принимали также различные категории служилых людей, прежде всего казаки и стрельцы (в основном в 1650-е гг.), драгуны, рейтары и ямщики (главным образом в 1670-е гг.). При этом служилые люди осуществляли преимущественно поставки товаров, не занимаясь их скупкой. Крестьяне (монастырские, частновладельческие и дворцовые), сравнительно редко появлявшиеся на вяземском оптовом рынке в 1650-е гг., существенно активизировали свою торговую деятельность начиная со второй половины 1660-х гг. Среди продавцов оптовых партий товаров встречается несколько лиц духовного звания (монахи, поп, попович, церковный дьячок).

подавляющее большинство торговцев, записанных в вяземских таможенных книгах, относятся к русскому провинциальному непривилегированному купечеству. Среди представителей привилегированных купеческих корпораций, участвовавших (лично или через приказчиков и родственников) в торговых операциях на вяземском рынке, упоминаются гости Василий Шорин (в 1649/50, 1652/53 гг.), Василий Федотов (1651/52 г.), Петр Микляев (1653/54, 1654/55 гг.), Семен Стоянов (1654/55 г.), Михаил Гурьев (1654/55, 1656/57, 1657/58 гг.), Семен Левашев (1656/57 г.); члены Гостиной сотни Андрей Алферов (1649/50 г.), Кузьма Климшин (1649/50, 1651/52, 1654/55, 1656/57 гг.), Павел Денисов (1652/53 г.), Андрей Денисов (1654/55 г.), Иван Гурьев (1654/55 г.), Григорий Денисов (1654/55, 1656/57 гг.), Яков Дубинский (1657/58 г.), Семен Свершков (1666/67 г.), Иван Яковлев (1668/69 г.), Иван Белюстин (1668/69 г.); члены Суконной сотни Михаил Аникеев (1654/55 г.), Степан Автомонов (1654/55 г.), Семен Борин (1668/69 г.)⁹. Примечательно, что в таможенных книгах Вязьмы 1670-х гг. не отмечено ни одного гостя или члена Гостиной и Суконной сотен. Этот факт красноречиво свидетельствует об упадке торговли в Вязьме в этот период, вызванном переориентацией товарных потоков к вновь присоединенному Смоленску, ставшему главным средоточием западнорусской торговли.

Можайские таможенники, как и их курские, белгородские и вяземские коллеги, социальный статус торговцев-оптовиков фиксировали также далеко не всегда: сведения на этот счет присутствуют только в 44 % таможенных записей. В семи можайских таможенных книгах упомянуто в общей сложности 160 продавцов или покупателей оптовых партий товаров. Социальный статус указан лишь для 75 лиц. Среди них зафиксировано: 33 посадских человека, 11 крестьян (частновладельческих и монастырских), 7 ямщиков, 5 рейтаров, 3 монастырских служки, по два казака, пушкаря, стрельца, дьячка, садовника, по одному бобылю, дьякону, церковному сторожу, монаху, приказчику и кречетнику. Социальный статус трех лиц указан по разному: один из них отмечен в таможенных записях и как бобыль и как монастырский слуга, другой – как рейтар и как казак, третий — как стрелец и как тяглец Новгородской сотни Москвы. Основными действующими лицами в можайской оптовой торговле изучаемого времени были посадские люди.

По конской торговле Можайска сохранился лишь небольшой отрывок лошадиной таможенной книги 1629/30 г., включающий 14 записей. Среди продавцов и покупателей лошадей на можайской конской площадке чаще других упоминаются «барышники» (т. е. посредники, перекупщики), не встречающиеся в курских и белгородских таможенных книгах. Барышниками было продано шесть лошадей и куплено четыре. Каков был социальный статус этих людей – неизвестно¹⁰. Среди продавцов лошадей отмечены также крестьянин (боярина князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского), посадский человек, монах-иноземец, два стрельца и два слуги, среди покупателей – два стрельца, сын боярский, пушкарь, дьяк, извозчик, слуга и иноземец (в двух случаях социальный статус покупателей не указан). Даже по этому краткому фрагменту можайской лошадиной таможенной книги можно сделать вывод о значительной пестроте социального состава участников местного конского торга. Та же ситуация наблюдается в Курске и Белгороде.

Сравнительный анализ таможенных книг четырех городов юга и запада Европейской России свидетельствует о том, что основной фигурой на местных оптовых товарных рынках этих регионов являлся посадский человек, не принадлежавший к привилегированному купеческому слою. Надо полагать, что ведущие позиции в сфере оптовой торговли посадские люди заняли после проведения «посадского строения» в середине XVII в., поскольку до этого многие из них числились в беломестцах. Служилые люди в целом более активно участвовали в оптовой торговле на юге, чем на западе. При этом в Белгороде среди торговцев-оптовиков неоднократно встречаются дети боярские, ни разу не упоминающиеся в этом качестве в таможенных книгах западнорусских городов и крайне редко фиксируемые курскими источниками. В свою очередь частновладельческие и монастырские крестьяне были в большей степени втянуты в оптовые торговые операции на западе Европейской части страны, чем на юге. Социальный состав участников оптовой товарной торговли по сравнению с конской торговлей был более однородным. На курском и белгородском конских рынках неизменно активную роль играли служилые люди. Однако в Курске с начала 1650-х гг., наряду с ними, деятельное участие в купле-продаже лошадей принимали и посадские люди, чего не наблюдается в Белгороде, где основным действующим лицом в конской торговле по-прежнему оставался служилый человек по отчеству или по прибору.

---

¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка 1. Ч. 1. № 10, 11; Денежный стол. 79, 82, 84, 94, 104, 188, 314, 319, 329, 342, 346, 354, 356, 371; Ф. 214. Кн. 405; ОР РГБ. Ф. 178. Кн. 9988.

² РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Кн. 29; Денежный стол. Кн. 94, 104, 188, 189, 319, 329, 342, 346, 356, 371; Ф. 214. Кн. 405; ОР РГБ. Ф. 178. Кн. 9988.

---

³ РГАДА. Ф. 137. Вязьма. Кн. 2–14, 16–24, 26–31, 33, 34, 36–40, 40-а, 41.

⁴ РГАДА. Ф. 137. Владимир. Кн. 13-а, ч. 2; Можайск. Кн. 1, 1-а, 1-в, 1-г, 1-д, 1-е, 1-ж, 1-з, 1-и, 2, 2-а, 2-в, 3–6; Устюг. Кн. 16-а.

⁵ *Базилевич К. В.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в.: (Проблема внутренней критики источника) // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб. 2. С. 127.

⁶ Таможенная книга Курска 1720 г. свидетельствует о том, что к этому времени в оптовой торговле на местном рынке полностью доминировали посадские люди. Служилые люди, игравшие в XVII в. довольно заметную роль в оптовой торговле в Курске (в 1677/78 гг. на их долю пришлось 19 товарных и 10 денежных явок), к 1720 г. из нее, по сути дела, ушли. Данное обстоятельство связано, во-первых, с участием служилых людей в военных действиях (в 1720 г. еще не была закончена Северная война) и, во-вторых, с все более возрастающей концентрацией торговых операций в руках посадского населения, выдвигавшего из своей среды профессиональных купцов.

⁷ Книга 1641/42 г. содержит лишь обобщенные данные о суммах собранных таможенных пошлин.

⁸ Разница в количестве продавцов и покупателей объясняется тем, что часть лошадей, приведенных на продажу, была обменена продавцами между собой.

⁹ Статус сверен по: *Соловьева Т. Б., Володихин Д. М.* Состав привилегированного купечества России в первой половине XVII века (по материалам росписей гостей, Гостиной и Суконной сотен). М., 1996.

¹⁰ Барышники неоднократно упоминаются в конских таможенных книгах Москвы 1630-х гг.